

Ли Юнъань смущенно потер нос. Он был в отчаянии от собственной бестактности: довел женщину до слез, да еще и заставил ее тратить силы на гнев, отчего голос ее охрип, а о самих слезах она, казалось, позабыла. Он поспешно велел Тяньху достать из узла бурдюк с водой и завернутые в платок паровые булочки. Протянув их женщине, он произнес:

— Госпожа, подкрепитесь, пожалуйста. Только набравшись сил, вы сможете сделать то, что задумали.

Женщина взглянула на них, и в ее глазах мелькнула настороженность:

— Вы знакомы с Янь Юем?

Ли Юнъань на мгновение растерялся:

— С маринованной рыбой? Пробовал, ничего особенного.

Женщина ослабила бдительность. Она обеими руками приняла еду и воду, приговаривая спасибо после каждого кусочка. Ела она очень быстро — было видно, что она изголодалась. Ли Юнъань уселся прямо на землю напротив нее и жестом велел стоявшему рядом Тяньху тоже присесть отдохнуть.

Когда женщина закончила есть, Ли Юнъань спросил:

— Вам еще нужно? Если хотите, я схожу на улицу и принесу еще чего-нибудь. Есть что-то конкретное, чего вам хочется?

Женщина покачала головой:

— Благодарю. Кто вы такой, молодой господин? Почему решили мне помочь?

— Меня зовут Юнъань. Я человек, у которого есть титул, но нет ни капли реальной власти; есть богатство, но нет ни гроша в кармане; есть талант, но нет возможности его применить. У меня были близкие, но теперь нас разделяет черта между жизнью и смертью. Меня пытаются убить по три-пять раз на дню, и я сплю по семь-восемь часов кряду.

Женщина посмотрела на него с сочувствием:

— И какие же у вас планы на будущее?

— Плыть по течению, влачить жалкое существование, полагаться на волю неба и ждать конца, попутно пытаясь найти в этом мире хоть что-то, что заставило бы меня задержаться. Если найду — вспыхну напоследок, не страшась ни жизни, ни смерти, — Ли Юнъань говорил, и настроение его заметно упало. — Вы напомнили мне мою матушку. При жизни ей пришлось пройти через бесчисленные невзгоды. Если бы в те времена, когда она в одиночку боролась за выживание, нашлось хоть немного больше людей, готовых протянуть руку помощи, а не подножку, возможно, она не ушла бы так рано. Но довольно обо мне. Если хотите, расскажите свою историю. В пределах моих сил я сделаю все возможное, чтобы вам помочь.

Женщина тяжело вздохнула:

— Молодой господин, у вас доброе сердце, вы по умолчанию судите о людях по себе. А что, если я окажусь злодейкой? Вы все равно будете помогать мне изо всех сил?

Ли Юнъань на миг замер:

— Тот, кто способен задать такой вопрос, не может быть законченным негодяем.

Женщина горько усмехнулась:

— Я жажду лишь одного — убить ради мести за своих родителей и дорогую подругу. Я знаю, что долго не проживу, так что расскажу вам — по крайней мере, в этом мире останется хоть кто-то, кто будет помнить о ней. Она пострадала из-за меня...

Меня зовут Лу Хуанун, я из соседнего уезда Иньшуй. Мои родители были лекарями. Наш уезд славился обилием воды, но в тот год случилась великая засуха, и все реки, озера и пруды пересохли. Люди едва сводили концы с концами — откуда было взяться деньгам на врачей и лекарства? У нас дома осталась сотня зернышек риса, а воды, чтобы сварить кашу, не было вовсе. Матушка разделила рис на десять частей: по десять зерен на прием. Мне она отдавала четыре, а себе и отцу — по три. Съев их, мы ложились спать, чтобы притупить голод.

Я знала, что весь уезд голодает, и только в доме уездного начальника еды вдоволь. Дождавшись, пока родители уснут, я тайком выбралась наружу, чтобы просить о помощи. Но до начальника я не дошла — первой встретила его секретаря.

Фэй Чан славился своим мягким нравом. Он всегда был приветлив, улыбчив и пользовался доброй славой среди народа. Увидев, что его паланкин остановила изможденная, желтолицая, но все еще миловидная девочка, он стал еще любезнее. Улыбаясь, он спросил:

— Малышка, почему ты не спишь дома, а бродишь здесь?

Лу Хуанун вдруг почувствовала такую обиду, что слезы хлынули из глаз неудержимым потоком.

— Господин, я дочь лекаря Лу Шуань. Мои родители уже несколько дней ничего не ели и не пили, они при смерти! Умоляю вас, спасите их!

Фэй Чан ласково протянул ей платок, чтобы она вытерла слезы:

— Но нельзя же так бегать по ночам! Ты ведь совсем одна, это так опасно! А вдруг встретишь кого-то, кто от голода готов есть детей? Что тогда?

Лу Хуанун показалось, что появилась надежда.

— Господин, о вас говорят как о милосердном человеке, спасающем нуждающихся! Умоляю, спасите моих родителей! Они известные в уезде лекари, многих спасли! Когда у второй наложницы начались тяжелые роды, именно моя матушка спасла ее, а вашего двоюродного брата отец вылечил от истощения печени и почек...

— Но ведь жена начальника затаила на твою мать обиду. А что до моего дальнего кузена? У него была лишь бессонница, жар, судороги, красный язык да запор — ничего смертельного. Малышка, ты знаешь, что для чиновника важнее всего репутация и мнение народа? Мы должны быть справедливы и неподкупны. Если я сегодня сделаю для тебя исключение, все голодающие города разнесут мой дом по кирпичику!

Лу Хуанун заволновалась, ее голос задрожал от мольбы:

— Господин, я все понимаю! Я не прошу о милости даром. У меня есть условия, я готова на что угодно. Я могу продаться в рабство и служить вам всю жизнь!

— В этом нет нужды. Но чтобы избежать кривотолков, ты можешь временно пожить в моем доме. Мы скажем всем, что ты моя новая наложница. Как тебе такое? Не бойся, ты сможешь навещать родителей каждый месяц, я прикажу своим людям позаботиться о них.

Лу Хуанун была безмерно благодарна. Она вернулась домой, сказала родителям, что нашла работу в богатом доме — будет заниматься рукоделием, а взамен получать еду и кров. Она отказалась от денег, прося лишь отдавать ей зерно, которое она будет приносить домой.

<http://bllate.org/book/19770/1947442>